

ФРЭНК ПЕРЕТТИ

ПОСЕЩЕНИЕ

«БИБЛЕЙСКИЙ ВЗГЛЯД»

Санкт-Петербург

2001

Фрэнк Перетти

Посещение. — СПб.: Библейский взгляд, 2001. — 584 с.

ISBN 5-8445-0057-1

Перевод с английского *М. В. Куренной*

Главный редактор *А. И. Шапошников*
Редакторы: *В. С. Волкова, Л. Б. Егорова*
Корректор *Д. Г. Вдовин*
Верстка *А. Б. Кодака*

The Visitation

by Frank Peretti

Copyright © 1999 by Frank Peretti

ISBN 0-8499-1179-6

Published by Word Publishing, Nashville, Tennessee

ISBN 5-8445-0057-1

© Издание на русском языке. «Библейский взгляд», 2001

Все права защищены международным законодательством об авторских правах. Настоящая книга, целиком или частично, не может быть воспроизведена никакими средствами, включая электронные, механические, фотографические, звукозаписывающие, компьютерные, или любыми другими существующими сейчас или созданными в будущем средствами передачи информации без соответствующего письменного разрешения издателя.

Литература религиозного содержания.

Издательская лицензия ЛР № 030808 от 25.02.98.

Подписано к печати 11.09.2001. Формат 60 x 88 ¹/₁₆.

Печать офсетная. Объем 36,5 печ. л.

Тираж 10000. Заказ №

МРО ХВЕП «Христианская Миссия»
198215, Санкт-Петербург, ул. Подводника Кузьмина, 46

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГИПП «Вятка».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Самые злободневные и острые произведения в мире христианской литературы выходят из-под пера Фрэнка Перетти.

«Ньюсуик»

Захватывающий сюжет в сочетании с традиционной христианской теологией.

«Нью-Йорк Таймс»

Королем жанра (христианской литературы) является Фрэнк Перетти.

«Тайм Мэгэзин»

Роман «Клятва» — лучший образец художественной христианской литературы

«Релиджн Ньюс Сервис»

Перетти является не только самым популярным автором, работающим в жанре христианской литературы, но и одним из крупнейших американских писателей.

«Чикаго Трибьюн»

Роман «Клятва» перевернул весь издательский мир.

«Крисчен Нет Мэгэзин»

Светлой памяти Кипа Джордона.

ПРОЛОГ

Молоток звонко стучал по гвоздю, и гвоздь пронзал кожу, распарывал сосуды. Он звонко стучал по гвоздю, и гвоздь разрывал мышцы, дробил кость. Звонко стучал, приколачивая руку к грубо обтесанной доске. Стучал. Стучал. Стучал.

А потом стук прекратился, и молодой человек повис под палящим солнцем, ослабевший от боли, совсем один. Он не мог пошевелиться, согнуть колени или даже повернуть голову, не ощутив при этом раскаленные гвозди в руках. Его кисти, пробитые гвоздями, распухли и побагровели. Кровь запекалась на солнце и засыхала бурыми пятнами на дереве.

Он закричал, но Бог не услышал. Может, именно Бог и забил эти гвозди, а потом отложил молоток в сторону и отвернулся, торжествуя улыбаясь. Может, именно Бог и оставил его здесь жариться и истекать кровью на солнце — не в силах встать на ноги, не в силах упасть на землю, — в то время как светило медленно ползло через безоблачное небо, отмечая проходящие часы.

Мерзкий запах пота. Побагровевшая от солнечных ожогов кожа. Струпья запекшейся крови вокруг гвоздей. Боль — единственная реальность.

Он закричал, но в кипящем котле своего сознания услышал лишь голоса своих обвинителей и стук, стук, стук молотка —

звуки, которые вечно будут преследовать его и отдаваться эхом в кошмарных снах.

— Ты сын дьявола, — сказали они. — Сын дьявола, которого нужно обуздать.

Сын дьявола?

Он снова закричал, и на сей раз голос, прозвучавший в его сознании, ответил ему — и он вдруг почувствовал прилив сил. Внезапно он понял, что может терпеть боль и превратить ее в энергию для своей воли. И, с воспрявшей волей, он твердо решил, что будет жить.

И он знал, что будет делать, пока живет.

1

Салли Фордайс вышла из дому сразу, как только помыла посуду после завтрака, и торопливо зашагала, временами переходя на легкий бег, по шоссе номер девять — узкой, прямой, как стрела, двухполосной дороге с полустертой разделительной линией, по обочинам которой тянулись стройные ряды телеграфных столбов. То была восточная часть штата Вашингтон, тихая и безлюдная. Пшеничные поля, по-весеннему зеленые, простирались вокруг на холмах прерии. Прямо впереди шоссе резко ныряло вниз, а поодаль отлого поднималось и уходило вдаль, сужаясь на горизонте до едва различимой точки. Солнце пригревало, веял свежий апрельский ветерок.

Салли была блондинкой девятнадцати лет, чуть полноватой и ужасно несчастной — главным образом потому, что она больше не была замужем. Она поверила всему, что рассказывал ей о любви Джои, водитель грузовика, и поверила, что она — та самая девушка, силуэт которой изображен на брызговиках его машины. Замужество (если о таком вообще приходилось говорить) продолжалось три месяца. Когда Джои нашел другую женщину, более «возбуждающую интеллектуально», Салли была изгнана со спального места в его грузовике и, завершив цикл, вернулась к исходной точке: снова стала дочерью Чарли и Мэг и жила в родительском доме. Ей снова приходилось убирать в своей комнате, помогать готовить и мыть посуду, возвращаться домой не позже одиннадцати вече-

ра и по воскресеньям ходить с родителями в методистскую церковь.

Она узнала вкус свободы, думала Салли, но была отвергнута. Ей не дано крыльев, чтобы летать, а будь они у нее, лететь все равно некуда. Жизнь не радовала. (Послушать Чарли, так им с Мэг следовало составить список всех идиотских ошибок, которые, как они надеялись, она никогда не совершит, и выдать ей экземпляр. Что и говорить, обстановка была напряженной.)

Еще до попытки с Джои, водителем грузовика, Салли обычно искала спасения от тоски среди широких пшеничных полей, в утренней тишине прерии. Теперь она снова возвращалась сюда, можно даже сказать, убегала. Здесь она не слышала посторонних голосов — только свои собственные мысли, а мысли могли говорить все, что угодно. Салли могла также молиться, порой вслух, поскольку знала, что никто, кроме Бога, не услышит ее. «Милый Господи, пожалуйста, не дай мне застрять здесь навсегда. Если Ты есть, сотвори чудо. Вытащи меня из этой дыры».

Если говорить честно, Салли несколько припозднилась со своими чувствами. За исключением тех немногих, у кого страсть к земледелию была в крови и кому не терпелось поскорее сесть за руль комбайна, почти все представители подрастающего поколения в Антиохии рано или поздно слышали зов откуда-нибудь — *все равно откуда*. По достижении совершеннолетия все дети, сумевшие найти путь к бегству, покидали город — как правило, для лучшей доли. Салли достигла совершеннолетия, это так, но не нашла пути к бегству. Чарли и Мэг, вероятно, сказали бы вам, что она по природе своей не способна активно искать выход из тупиковой ситуации. Салли продолжала ждать, когда он появится сам собой. Промежуточной целью на ее пути был раскидистый тополь на вершине холма — единственное дерево в пределах видимости. Вероятно, это исполинских размеров дерево росло здесь задолго до появления первых дорог, ферм и поселенцев. По склону холма Салли поднялась быстрым шагом и тяжело дышала, когда достигла тополя. Она завела обыкновение каждый день растягивать мышцы ног, держась за огромный ствол, а потом несколь-

ко минут сидеть и отдыхать между двумя корнями, выступающими на поверхность земли с южной стороны дерева. С недавних пор короткая молитва о чуде тоже стала частью ежедневного ритуала. Салли выполнила упражнения на растяжку без особого труда. Она немного остыла, восстановила дыхание и чувствовала, как у нее покраснели щеки от физических усилий и свежего воздуха.

Она обогнула дерево...

И вздрогнула от неожиданности. Между двумя корнями, точно на ее излюбленном месте, сидел человек, прислонясь спиной к бугристому стволу и лениво положив руки на колени. Должно быть, он находился здесь все время, пока она растягивалась, и Салли удивилась, если не возмутилась, что он ни словом, ни действием не дал знать о своем присутствии

— Ох! — она задохнулась, но сразу перевела дух. — Привет. Я вас не заметила.

Человек лишь усмехнулся и, продолжая улыбаться, устремил на нее внимательный благожелательный взгляд. Он был замечательно красив: оливкового цвета кожа, глубокие карие глаза, курчавые черные волосы. И молод — вероятно, ровесник Салли.

— Доброе утро, Салли. Извини, если испугал тебя.

Она порылась в памяти.

— Мы с вами знакомы?

Он лукаво покачал головой:

— Нет.

— Тогда кто вы?

— Я пришел передать тебе весточку. Твои молитвы услышаны, Салли. Он принесет тебе ответ на все вопросы. Жди его.

Салли отвела взгляд в сторону буквально на секунду, просто слегка закатила глаза в крайнем удивлении:

— Кого ждать?..

Человек исчез.

— Эй!

Она обошла вокруг тополя, посмотрела в один и другой конец дороги, обвела взглядом пшеничные поля и даже подняла глаза к высоким ветвям. Он исчез, и точка, — как в воду канул.

Салли еще раз торопливо обошла дерево, а потом остановилась, держась рукой за ствол, чтобы не упасть, и снова пошарила взглядом по прерии. Сердце ее колотилось сильнее, чем после недавнего подъема на холм. Она дышала часто и прерывисто. И дрожала всем телом.

В церкви Богородицы Полей в Антиохии Арнольд Ковальски занимался уборкой причудливого маленького святилища: подметал широкой шваброй пол между скамей и в центральном проходе. Он двигался медленно и с трудом, но работу выполнял тщательно. В прошлом Арнольд был солдатом, плотником, механиком по дизелям и почтальоном, а теперь взял на себя неофициальные обязанности церковного сторожа и уборщика. Это была неоплачиваемая должность, хотя церковь ежемесячно предоставляла ему небольшое денежное вспомоществование в знак любви и благодарности. Арнольд просто делал это для Господа — несколько часов в день несколько раз в неделю, — вот и все. Работа доставляла ему радость, а кроме того, ему нравилось находиться здесь. Вот уже лет сорок Арнольд был ревностным прихожанином церкви Богородицы Полей. Он ни разу не пропустил воскресное утреннее служение без веских на то оснований. Он никогда не упустил случая исповедаться, хотя теперь, в его семьдесят два года, исповеди становились все короче, а епитимьи все легче. Арнольду нравилось думать, что он угоден Богу. И сам он был вполне счастлив с Господом. Лишь одно омрачало его счастье, одно маленькое горе, неотступно напоминавшее о себе сейчас, когда он медленно двигался по центральному проходу, подметая пол шваброй. Арнольду хотелось, чтобы Господь уделил хоть немного внимания его артриту. Боль часто обострялась и в последнее время отпускала старика лишь изредка. Он стыдился своих мыслей, но все же продолжал думать: «Вот я служу Богу, но Бог допускает, чтобы я страдал». Боль пульсировала в руках, ноги мучительно ныли. Суставы пальцев ломило, как бы он ни перехватывал ручку швабры. Арнольд не любил жаловаться, но сегодня едва не плакал. «Может, я недостаточно усердно служу Господу, — думал он. — Может, мне

нужно работать больше. Может, мне не следует брать деньги за работу в церкви...»

«Что я делаю не так? — недоумевал он. — Что я упускаю из виду?»

Арнольд всегда снимал шляпу при входе в церковь и крестился перед тем, как войти в святилище. Сейчас, как обычно, он был в своем рабочем синем комбинезоне. Возможно, ему следует надевать галстук в знак почтения.

Он собрал шваброй еще немного грязи и пыли, передвинулся чуть дальше по центральному проходу и вступил в солнечный луч, падающий сквозь витражное стекло. Солнце пригрело спину и облегчило боль — словно рука Господа опустилась старику на плечи. Со своего места Арнольд видел резное деревянное распятие над алтарем. Он встретил пристальный взгляд распятого Христа.

— Я не хочу жаловаться, — сказал старик. Он уже чувствовал, что переходит дозволенные границы. — Но кому от этого станет хуже? Что изменится в этом огромном мире, если один маленький человек перестанет так сильно страдать от боли? — Арнольду показалось, будто он обратился к Господу во гневе. Охваченный стыдом, он отвел взгляд в сторону от немигающих деревянных глаз. Но они притягивали к себе как магнитом и на странный, призрачный миг вдруг словно ожили и исполнились мягкого укора, но главным образом сострадания — подобного тому, с каким отец смотрит на маленького сына, разбившего коленку. В солнечном луче, бьющем сквозь другое окно, сверкнули две крохотные искорки в уголках глаз, и Арнольд непроизвольно улыбнулся. Он легко представил, что глаза ожили и наполнились слезами.

Искорки в уголках глаз разрастались и вытягивались вдоль нижних век.

Арнольд пригляделся. Откуда падает свет, создающий столь странный эффект? Он посмотрел вверх и направо. Должно быть, вон из тех маленьких окошек под потолком. Подумать только, он столько лет посещал эту церковь и ни разу не замечал ничего подобного раньше. Такое впечатление, будто...

Слеза перекатилась через нижнее веко и скользнула по деревянной щеке к бороде, оставив тонкий мокрый след на лице.

Арнольд уставился на распятие, застыв на месте, не в силах поверить своим глазам. Он не исполнился благоговейного трепета, не почувствовал некоего всеподавляющего духовного присутствия. Он не услышал пения ангельского хора в Небесах. Арнольд знал лишь одно: вот перед ним деревянная статуя проливает слезы, в то время как он стоит тут, онемев от удивления.

Потом наконец ему в голову пришла первая связная мысль: «Нужно подняться туда». Да, именно так он поступит; тогда все разъяснится. Он бросился к чулану в задней части здания — со всей скоростью, какую позволяли развить больные ноги, — и вернулся обратно с деревянной лестницей. Задержавшись перед алтарем, Арнольд перекрестился, потом обошел алтарь и осторожно приставил лестницу к стене. Острая боль пронзала ноги при каждом шаге вверх, но он стискивал зубы, морщился и заставлял себя подниматься по ступенькам, пока не оказался наконец лицом к лицу с резной деревянной фигурой.

Зрение не обманывало его. Деревянное лицо — размером всего в треть натуральной величины — было мокрым. Арнольд поднял глаза и посмотрел, не протекает ли потолок, но не увидел там никакого пятна и никаких капель. Он подался вперед и напряженно вгляделся в лицо скульптуры, пытаясь отыскать какой-нибудь хитрый механизм или затейливое приспособление, вызывающее оптическую иллюзию. Ничего.

Арнольд протянул было руку, а потом заколебался, ощутив первый укол страха. *До чего* он собирается дотронуться? «Милый Господи, не делай мне больно». Он снова медленно протянул вперед трясущуюся руку и прикоснулся кончиками пальцев к мокрой от слез деревянной щеке.

Он ощутил покалывание, словно от слабого электрического разряда, и, вздрогнув, отдернул руку. Он не испытал боли, но очень испугался, и его рука задрожала. Ощущение покалывания распространилось от кончиков пальцев до плеча, словно бесчисленное множество крохотных пчел роилось в венах. Арнольд тихо вскрикнул, потом судорожно глотнул ртом воздух, потом снова вскрикнул, в то время как миллионы мелких острых иголок пробежались под кожей по плечам, вокруг шеи и

вниз по позвоночнику. Он вцепился в лестницу, чтобы не упасть.

Крепкая хватка. И безболезненная.

Арнольд устался на свою руку. Волны вибрации прокатывались под кожей, сквозь суставы пальцев, через ладони и кисти. Он ослабил хватку, потом снова стиснул пальцы покрепче и, держась за лестницу одной рукой, начал шевелить пальцами другой, сжимать и разжимать кулак.

Боль исчезла. Его руки были сильными и здоровыми.

Поток электричества прокатился по ногам, отдаваясь болезненным дрожанием в нервах, конвульсивным подергиванием в мышцах. Арнольд навалился на лестницу, вцепился в перекладину мертвой хваткой, и его крик отразился от стены, находящейся всего в нескольких дюймах перед ним. Он дрожал от страха, что упадет. Он закричал, захлебнулся, содрогнулся всем телом, потом снова закричал.

Мощные электрические разряды — или что это было — проходили сквозь ноги Арнольда, и эхо его криков раскатывалось по церкви.

ВОСКРЕСЕНЬЕ. ПАСТОР КАЙЛ ШЕРМАН прочитал молитву благодарения, пианистка и органист начали играть постлюдью — современное переложение гимна «Да успокоится моя душа», — и прихожане Антиохийской церкви пятидесятнической миссии поднялись с мест. В зале раздалось шарканье ног и приглушенный гул голосов, какие можно услышать в каждой церкви по завершении служения. Люди надели куртки, собрали Библии и пособия для воскресной школы, взяли за руку детей, а потом, разбившись на группы, медленно двинулись по проходам к выходу, переговариваясь и перекидываясь шутками. Семьи и одинокие, друзья и гости церкви выходили через главную дверь, возле которой стоял молодой пастор, обмениваясь с прихожанами рукопожатиями и приветствиями. Дети начали резвиться, испытывая терпение родителей, и выбегали на улицу, получив выговор за беготню в вестибюле.

В тот день среди прочих праведников была и Ди Бэйлор. Верная прихожанка Антиохийской церкви пятидесятнической

кой миссии, неизменно посещавшая все собрания, она была цветущей, крепко сбитой женщиной сорока с лишним лет, с крупным носом и высокой прической, изрядно увеличивавшей зрительно ее рост. Маленькая, тихая, как мышь, Бланш Дэвис и Адриенн Фолсом, дама средних лет с туго завитыми подсиненными волосами, шли рядом с ней через усыпанную гравием парковочную площадку. Все трое возбужденно выражали свою веру в слухи, распространившиеся за последние дни в христианском мире.

— И это все, что он сказал? — спросила Адриенн.

Ди ничего не имела против того, чтобы повторить всю историю или любую ее часть.

— Просто «он принесет тебе ответ». И, если верить Салли, он говорил о человеке.

— О ком же именно? — спросила Бланш.

— Может, о ее будущем муже, — предположила Адриенн. — Господь говорил мне, что я выйду замуж за Роджера.

— А как насчет распятия в католической церкви? — полюбопытствовала Бланш.

— Могууществу Господа нет пределов, — ответила Ди.

— Да, могуществу Господа нет пределов, — согласилась Адриенн подчеркнуто убежденным голосом.

— Но плачущая скульптура? — Бланш наморщила нос. — На мой взгляд, вся эта история звучит очень уж по-католически.

— Значит, католик ее поймет.

Бланш обдумала эти слова в молчании.

— Мы должны искать Бога, — сказала Ди, набожно закрывая глаза. — Мы должны ждать. Господь выбрал Антиохию для Своих целей. Думаю, Он готов излить Свой Дух на наш город.

— Аминь, — именно это Ди хотела услышать.

— Аминь, — эхом повторила Адриенн.

Ди посмотрела на небо, словно ища взглядом Царство Небесное. Облака начинали расходиться. В разрывах между ними проглядывало голубое небо, предвещавшее чудесный день.

Адриенн и Бланш шли, занятые разговором, пока не обнаружили вдруг, что остались вдвоем. Они оглянулись.

— Ди?

Она стояла неподвижно, прижимая Библию к груди, и смотрела на небо. Губы ее быстро шевелились, шепча молитвы на ином языке.

— Ди?

Бланш и Адриенн подбежали к ней.

— Что случилось?

Она смогла лишь указать рукой вверх, потом тихо охнула, зажимая ладонью рот.

Бланш и Адриенн быстро подняли глаза, испугавшись, что сейчас на них что-то упадет. Но не увидели ничего, кроме кучевых облаков и просини небес.

— Я вижу Иисуса, — приглушенным голосом сказала Ди. Потом, вскинув вверх одну руку, она экзотически вскричала: — Иисус! Я вижу Тебя, я вижу Тебя!

Мимо проходил брат Норхейм. Старый, согбенный и тугой на ухо, он был тем не менее одним из столпов церковной общины. Он знал, как следует управлять церковью, как нисходит Святой Дух и как правильно мыть церковные чаши, чтобы не оскорбить Господа. Когда он со своей скамьи заводил «Благослови, Боже, мою душу» на вечернем служении, все подхватывали гимн стройным хором, независимо от того, находила пианистка Линда Шерман правильную тональность или нет. Старик увидел, что женщины чем-то взволнованы.

— Что вы там увидели?

— Я вижу Господа! — выдохнула Ди, а потом громко заговорила нараспев: — Я вижу Господа... Я вижу Господа... Он высок и возвышен, и воинство его наполняет храм!

Адриенн и Бланш продолжали напряженно всматриваться в облака, надеясь различить там что-нибудь и перебрасываясь короткими вопросительными взглядами.

Брат Норхейм обвел глазами небо и улыбнулся, показав три золотых зуба и три дырки на месте отсутствующих.

— Твердь небесная являет творение рук Его!

— Что ты там видишь? — наконец спросила Адриенн.

Ди показала:

— Неужели ты не видишь Его? Вон там! Он смотрит прямо на нас!

Адриенн и Бланш пригляделись повнимательнее туда, куда указывал палец Ди. Наконец Бланш испустила протяжный, исполненный благоговения вздох.

— Да-а-а-а... Да, я вижу Его! Я вижу Его!

— Где? — воскликнула Адриенн. — Я ничего не вижу!

— Просто невероятно!

Адриенн придвинула голову вплотную к голове Бланш, надеясь увидеть картину, открывающуюся с этой точки.

— Покажи.

Бланш указала пальцем.

— Видишь? Вон верхняя часть головы, а вон ухо и борода...

Адриенн издала пронзительный восторженный визг, которым обычно встречала смешные шутки и глубокие откровения.

— А-а-а-а-й! Точно! Точно!

Теперь все три женщины смотрели и показывали пальцами в небо, а Ди продолжала петь то на английском, то на ином языке. Брат Норхейм двинулся дальше, обрадованный пылом праведниц, но другие подходили узнать, что послужило причиной такого волнения. Дэйв Уайт, подрядчик, увидел лицо сразу, но его жена Мишель так ничего и не увидела. Роджер, муж Адриенн, разглядел лицо, но посчитал его облаком занятой формы, и только. Дон и Мелинда Форестер, новые прихожане церкви, оба увидели лицо, но разошлись во мнениях относительно того, в какую сторону оно смотрит. Их дети, Тони и Пэмми, соответственно восьми и шести лет, увидели Иисуса, но увидели также и несколько разных забавных зверюшек у него на голове.

— Смотрите! — воскликнула Адриенн. — Он держит в руке голубя, видите?

— Да-а-а-а... — Приглушенным голосом протянул Дэйв Уайт, лицо которого выражало благоговейный страх.

— Он готов излить на нас Свой Дух! — пророчески провозгласила Ди дрожащим от избытка чувств голосом.

— Ничего не понимаю, — сказал Роджер, вглядываясь в небо прищуренными глазами.

— Он говорит с нами в последние дни перед сошествием Святого Духа!

— Вы все с ума посходили! — упорствовала Мишель. — Я ничего не вижу.

— Эй, пастор Шерман! — завопил Тони. — Мы видим Иисуса в облаках!

— И петушка! — пропищала Пэмми.

— НА ЭТОМ ДЕЛО НЕ КОНЧИЛОСЬ, — сказал мне Кайл Шерман. — Три женщины начали видеть разные вещи, поскольку облака меняли очертания. Какое-то время Иисус стоял с голубем в руке, а потом повернулся и вошел в дверь — дверь загона для овец, дверь в Царство Небесное, как вам будет угодно... А потом... — Кайл поднял глаза к потолку, вспоминая вид неба. — Гм... пожалуй, пламя. — Он порисовал рукой в воздухе. — Такое, знаете ли, колеблющееся вверх и вниз, словно столб огня.

До сих пор Кайл не назвал никаких имен, поэтому я спросил:

— Речь идет о Ди Бэйлор?

Он кивнул, заметно смутившись.

— Адриенн Фолсом и Бланш Дэвис?

Кайл снова кивнул, с видимой неохотой.

— Тогда все понятно, — заметил я, беря чашку и отпивая очередной глоток кофе.

Был понедельник, обычный выходной день пастора. Мы с Кайлом Шерманом сидели у меня дома за кухонным столом и пили кофе, закусывая печеньем из бумажного пакета. Кайлу еще не исполнилось и тридцати. Темноволосый, жилистый парень — молодой горячий конь, готовый пуститься в галоп. За последние четыре месяца он уже несколько раз сидел за этим столом в моем маленьком домике, общаясь со мной и стараясь быть добрым пастырем.

И надеясь вернуть несколько заблудших душ на путь истинный, как я подозревал. Он обратил на меня самое пристальное внимание сразу, как только приехал в город принять пасторство. Формально я все еще считался пастором, пока не передал Кайлу свою милоть, но был уже безнадежно потерян для церкви. У Антиохийской пятидесятнической общины был

пастор — *бывший* пастор, — который к церкви и близко не мог подойти.

Кайл поступил, как подобает истинному наставнику душ человеческих: пошел за мной, пришел ко мне и стал частью моей жизни, желал я этого или нет. Священник во мне понимал поведение Кайла и признавал, что на его месте я поступил бы так же. Что же касается остальной части моего «я»... впрочем, об этом позже.

Однако сегодняшний визит решительно отличался от всех предыдущих. Сегодня я не услышал от Кайла обычных словословий и восхвалений Господа. Духовные эскапады Ди Бэйлор и компании явно произвели на него удручающее впечатление.

— Ди кажется женщиной... — Кайл либо искал нужные слова, либо ждал, когда я заполню пробелы.

Я заполнил пробелы:

— Ди — последовательница Господа, имеющая последователей. Мэг Фордайс проводит в своем доме небольшие собрания с молитвами и песнопениями раз в неделю, а Ди частенько их посещает. Просто сложите одно с другим.

Я почти увидел, как в голове Кайла медленно загорелась лампочка, но ход моих мыслей определенно ему не понравился.

— Я не вполне понимаю, к чему вы клоните.

— Все очень просто, Кайл. Мэг рассказала Ди, что Салли видела ангела. Иными словами, кому-то явился посланец Божий, который Ди не являлся. Вы не можете получить от Бога ничего, чего не получила бы и Ди тоже. Она такого не допустит.

Кайл казался глубоко разочарованным.

— А Салли? Вы полагаете, она все придумала?

— Поговорите о Салли с Чарли и Мэг и решите сами. Но — да, я не верю Салли. Ее рассказ слишком уж напоминает историю об исчезающем попутчике. — Кайл рассмеялся. — Вы ведь слышали о таком, верно?

— О да. — Он помолчал. — Значит, Ди просто перепевает историю Салли?

— Нет, Ди всегда берет тоном выше. Салли видела ангела. Ди видит Иисуса.

Но Кайл покачал головой, все еще неудовлетворенный объяснением.

— Они страшно возбуждены, Трэвис. Не только Ди, Адриенн и Бланш, но и Уайты, Форестеры...

— Чем возбуждены? Видением Иисуса с петухом на голове?

— Пэмми показалось, что это петух.

— Послушайте, вы спросили — я ответил. — Я со стуком поставил чашку на стол, словно судья, извещающий о закрытии дела ударом молотка.

— А Арнольд Ковальски?

Мне пришлось совершить над собой некоторое усилие, чтобы не закатить глаза.

— Разве не заплакала однажды статуя Элвиса? — Я заглянул в свою пустую чашку, потом посмотрел на кофеварку. Там еще оставалось по меньшей мере две чашки кофе. — Вам налить еще?

— Спасибо, нет.

Я поднялся и налил себе еще чашку.

— Возможно, Арнольд Ковальски — католическая версия Ди Бэйлор.

Судя по тону Кайла, он начинал раздражаться на меня.

— Да бросьте, Трэвис. Ковальски ездил в Дэвенпорт, к доктору Треннеру, и тот сделал рентген и все такое. Артрит прошел.

Я сел, по-прежнему держа в руке чашку, и просто посмотрел на молодого пастора.

— Что вы хотите от меня услышать, Кайл?

Он вздохнул.

— Просто скажите, что думаете.

— Я уже сказал, что думаю.

Он уставился на свою пустую чашку, которую рассеянно двигал взад-вперед по столу.

— Но разве, по-вашему, Господь не может удивлять нас время от времени? Ну, делать что-то, совершенно для нас неожиданное?

Я подался вперед.

— Кайл, эти люди увидели то, что ожидали увидеть. Поверьте мне. — Я откинулся на спинку стула, глотнул кофе и попробовал сформулировать свое окончательное мнение. — Хотите совет? Не берите это в голову. Такого рода события случаются и уходят в прошлое, и память о них в конце концов стирается.

— Мне просто нужно определиться со своей позицией.

Одна мысль, что кому-то еще нужно определиться со своей позицией, доставила мне тайное удовольствие.

— Ну да, вы же должны сохранять твердость убеждений, верно? Что ж, не повредит на некоторое время отстранить от дела жюри присяжных.

— Думаю, Ди с Адриенн сегодня снова наблюдают за облаками...

Раздался стук в дверь.

— Это Рене, — сказал я, потом громко крикнул: — Входи!

Она вошла.

— Привет, Трэв.

Ее светлые волосы были стянуты на затылке в «конский хвост», и она была в старом зеленом свитере, в котором всегда приезжала сюда. Я представил свою старшую сестру новому пастору и нашел удовольствие еще в одной мысли: Рене жила в Спокане, а значит, могла не опасаться визитов Кайла.

— Не буду вам мешать, — сказала она, направляясь в спальню.

— Мы как раз заканчиваем.

— Э-э... — Кайл поискал потерянную мысль, но, очевидно, натолкнулся на следующую. — В любом случае священнослужители намерены собраться завтра утром и обсудить все случившееся. Думаю, на собрание придет Нэнси Бэрронс.

— Отлично, — сказал я. — События получают освещение в печати. Огонь вырвется наружу.

Кайл удивленно приподнял бровь.

— Послушайте, Трэвис, весь город только и говорит об этом. Там много чего происходит, а вы все пропустите.

Я улыбнулся. Третья приятная мысль подряд.

Рене вышла из спальни с моей корзиной для грязного белья. Она выразительно посмотрела на меня, вероятно, имея в виду примерно следующее: корзина должна быть полной, но осталась практически пустой, хотя с ее предыдущего визита прошла уже неделя.

Кайл продолжал говорить:

— Почему бы вам не пойти на собрание со мной? Я еще не познакомился со всеми священнослужителями. Вы можете представить меня им, посидеть и послушать, получить информацию.

Это была хитрость чистой воды. Кайл не в первый раз пытался вытащить меня в давно мне знакомые церковные круги. Я добродушно усмехнулся и помотал головой.

— Мы собираемся в католической церкви. У нас будет возможность взглянуть на плачущее распятие.

Я поморщился. Не смог удержаться.

— Будьте реалистом!

Кайл лишь поднял руки, сдаваясь перед голосом разума.

— Можно спорить по поводу слухов, а можно пойти прямо к источнику последних и увидеть все собственными глазами.

— И снова сидеть среди всех этих священников? Нет, спасибо, как-нибудь на другой год.

Рене прошла за моей спиной к холодильнику и проверила запасы мороженого мяса и прочих продуктов.

Кайл несколько секунд внимательно смотрел на меня, и я понял, что следующий его вопрос мне не понравится.

— Они имеют к этому какое-то отношение?

— К чему?

— Да, имеют, — ответила Рене.

Я метнул на нее сердитый взгляд через плечо, и она ответила мне таким же.

Кайл не боялся ступать по тонкому льду.

— К тому, что вы отказались от должности, безвылазно сидите в своем маленьком домике...

— Никогда не меняете одежду, — вставила Рене, — не бретесь, не убираетесь...

— Я меняю одежду! — возмутился я.

Она заглянула в корзину для грязного белья, стоящую на полу.

— Здесь только одна рубашка. Ты всю неделю ходил в этой рубашке?

Я поглядел на рубашку, которая была на мне. Я не помнил, когда надел ее.

— Она мне нравится. — Я снова повернулся к Кайлу. — А вы живете в пасторате с моего благословения. И живите себе на здоровье.

Кайл примирительно поднял руки.

— Я не хотел вас...

— Трэв, мы не ищем повода для ссоры.

О нет, они не искали повода для ссоры. Просто налицо была все та же старая проблема: друзья, чьи изъявления любящей заботы постоянно бьют по вашим обнаженным нервам, причем каждый болезненный удар наносится из самых лучших побуждений. Я уставился на свою чашку, поскольку не хотел встречаться взглядом с ними.

— Я понимаю, это ваша жизнь, — мягко сказал Кайл. — Мы просто тревожимся за вас, вот и все.

«Тогда вы можете предложить решение, о котором я еще не знаю», — подумал я.

Но вслух не сказал. Этот разговор у нас уже однажды состоялся и ни к чему не привел. Я просто взглянул на Кайла, через силу улыбнулся и напомнил себе, что мне действительно нравится этот мальчишка — простите, мужчина. Этот недавно прибывший в город новый пастор, этот энергичный слуга Господа со своей молодой очаровательной женой-пианисткой и двумя бойкими детишками. Я напомнил себе, что двадцать лет назад я был на его месте. Я думал точно так же, предлагал такие же решения, волновался по тем же поводам. Господи, как давно это было!

— Спасибо за приглашение, — наконец сказал я. — Но не в этот раз. Возможно, как-нибудь позже, когда я придумаю более веские доводы в свою защиту.

Кайл вернул мне улыбку.

— Ладно. — И, надо отдать ему должное, он оставил тему. — Мне пора идти. Позвоните, если передумаете. — С этими сло-

вами он поднялся, похлопал меня по спине и направился к двери.

— О, непременно, — пообещал я почти шутливо.

Когда дверь за Кайлом закрылась, я обернулся к Рене, все еще стоявшей у холодильника. Ей было под пятьдесят, и выглядела она великолепно, хотя сейчас хмурилась и смотрела сердито, как подобает старшей сестре. Она всегда считала своей обязанностью вмешиваться в мои дела и вставать за меня грудью, одновременно задавая мне взбучку всякий раз, когда, по ее мнению, я заслуживал взбучки.

— Мы... гм... мы с Кайлом постепенно находим общий язык, — сказал я. — Сегодня мы мирно побеседовали, все обсудили.

Рене пожала плечами.

— Очень скоро ты будешь благодарен ему только за то, что он снова навестит тебя.

— Уже благодарен.

— Ты дашь мне подстричь тебя сегодня?

— Лучше в следующий раз.

— Ты совсем оброс.

— В следующий раз.

Рене обошла меня и села прямо напротив, на место Кайла.

— Я не знаю, когда будет следующий раз.

Я полагал, Рене появится через неделю, как обычно, но по ее глазам понял, что сильно заблуждался.

— Вы с Дэнни уезжаете в отпуск или что-то вроде?

— Трэвис Джордан, я должна извиниться перед тобой. Я была не права.

— В чем не права?

Она глубоко вздохнула.

— Не права в том, что позволила тебе просто просиживать задницу. — То была типичная для Рене резкость выражений, так проявлялась ее грубоватая любовь. — Трэв, прошло десять месяцев. Мэриан страшно огорчилась бы, увидев тебя в таком состоянии. Я страшно огорчена. Мы с Дэнни все обсудили, и он прав: я думала, что помогаю тебе, стирая твою одежду, составляя списки продуктов, бегая по магазинам и готовя тебе

еду. Но... — Она отвела взгляд в сторону и побарабанила пальцами по столу, собираясь с духом. — Я не могу больше быть тебе матерью. Осенью начинаются занятия в школе, и к этому времени ты должен снова стать опрятным, энергичным и ответственным взрослым человеком. Ты должен стать примером для окружающих.

— Иными словами, «вернуться к жизни».

— Нет, не *вернуться*. А *продолжать* жить. Я имею в виду... — Она обвела взглядом дом. Это был маленький дом. Со своего места Рене могла видеть столовую, гостиную и спальню. — Когда мы были детьми, мама никогда не позволяла нам устраивать беспорядок вроде этого. Мы должны были прибираться в своих комнатах, помнишь? И вот теперь я должна убираться в «твоем» доме. В чем, собственно, дело?

Я огляделся по сторонам. Разве это беспорядок? Мне казалось, я просто держу все свои вещи на виду и в пределах досягаемости.

— Мне не следовало делать даже этого, но я вчера разговаривала с Доном Андерсоном. У него на складе есть стиральная машина, получившая повреждения при транспортировке. Она работает прекрасно, просто на корпусе вмятина. Он готов продать машину за сотню долларов. Трэвис, купи ее. Установи и используй по назначению. Достань бельевую веревку и натяни на заднем дворе. Становится тепло. Ты можешь сушить белье на улице. Ты пробовал приготовить мясную запеканку по рецепту, который я тебе дала?

Та мясная запеканка.

— Гм... да. Я страшно долго с ней возился.

— Ты часто готовил ее, когда вы с Мэриан жили в Калифорнии. Я знаю; она мне говорила. И у тебя в холодильнике остались полуфабрикаты для запеканки. Попробуй приготовить ее еще раз. Попытайся вспомнить все рецепты и готовить по ним, потому что с сегодняшнего дня я устраниюсь от дел. — Рене быстро обошла меня и подняла с пола корзину для грязного белья. — Эту повинность я еще выполню, а дальше... лучше купи стиральную машину. — Она наклонилась и чмокнула меня в щеку. — Мы еще поговорим как-нибудь. Обязательно.

— Мы вроде как уже поговорили, — сказал я.

— Мы еще поговорим. Обещаю. Пока.

Она улыбнулась, повернулась и вышла за дверь.

Я услышал, как завелся и отъехал от дома ее «бронко», а потом воцарилась необыкновенная тишина, характерная для маленького фермерского городка в восточной части штата Вашингтон. В таких городках не слышится постоянный шум транспорта. Единственный аэродром представляет собой узкую взлетно-посадочную полосу для опыляющих поля аэропланов, находящуюся в нескольких милях к западу от города. Я слышал стрекот электрических настенных часов и неравномерный стук капель из крана на кухне. Где-то по соседству залаяла собака. Ветерок подхватил сухой лист и погнал по бетонной дорожке сразу за открытой задней дверью.

Бесконечно одинокий, я сидел неподвижно, не обращая внимания на стынувший кофе в чашке и стараясь осознать, что же именно произошло несколько минут назад. На ум приходила поговорка «точно обухом по голове». Безусловно, я находился в оглушенном состоянии.

Наконец я поднялся с места и встал в арке между кухней и гостиной, тупо рассматривая картину беспорядка, царящего в маленьком бунгало. Кофейный столик исчез под грудой книг и журналов, которые я собирался прочитать, или уже начал читать: открыл на первой странице и бросил. Мне пришлось допустить, что я действительно швырнул свою куртку и шляпу на кресло возле двери, хотя совершенно не помнил этого. Вероятно, я мог обвинить почтовую службу в том, что все горизонтальные плоскости в доме, включая пол, были усыпаны газетами и каталогами. Стойки на кухне были тесно заставлены грязными тарелками и пустыми пакками из-под овсяных хлопьев, накопившимися за неделю. Я внезапно подумал, какая неловкая ситуация возникла бы, загляни сюда мой домовладелец.

Я прошел в ванную и обнаружил в зеркале нечто неопрятное и в равной степени запущенное: седеющего, помятого, заросшего бородой сорокапятилетнего бывшего... *кого?* Человека, которым я был в прошлом, больше не существовало. Это я точно знал. На память мне пришел вопрос из анкеты, заполня-

емой при поступлении на работу: «Всегда ли вы чисты и опрятны?» Я подавил смешок. Только не сегодня.

Но я хорошо понял мысль Рене: с наступлением сентября кто-то еще будет смотреть на это лицо — целый класс учеников. Мне удалось снова устроиться учителем в школу, где я работал много лет назад, когда Антиохийская пятидесятническая церковь еще только становилась на ноги — любой пастор маленькой общины в маленьком городке знает, как важен дополнительный источник заработка. Поскольку работа начиналась только в сентябре, до сих пор она оставалась для меня некоей абстракцией. Со времени собеседования, проводившегося при поступлении на работу, я брился, вероятно, всего пару раз и никогда не рассматривал свои будущие обязанности в свете того обстоятельства, что я человек опустившийся.

«Все изменится, — сказал я себе. — Очень скоро. Возможно, завтра».

Ладно, хватит любоваться собой. Я вышел из ванной и на ходу глянул в окно спальни, ожидая увидеть все тот же побуревший за зиму холм, возвышающийся прямо к западу от моего бунгало, на вершине которого росла густая, потрепанная ветром тополиная роща.

Там кто-то был.

Я остановился. Я никогда никого не видел на том холме прежде. Я даже не знал толком, кому принадлежит эта земля.

Но там, на самой границе рощи, стоял некто, положив руку на ствол старого тополя. Он смотрел в мою сторону и производил впечатление человека, которому совершенно некуда спешить.

Не на меня ли он смотрит? Я подошел поближе к окну и слегка прищурил глаза, подаваясь то вперед, то назад. Он смотрел на меня. Не просто на восток, не просто на дом. Он смотрел прямо на меня. Я нахмурил брови, и он в ответ легко улыбнулся и кивнул головой.

Что-то странное было в устремленных на меня глазах. Насколько я мог судить с такого расстояния, они были темно-карими. Но подобный взгляд вы видите далеко не каждый день. Он словно говорил без всяких слов: «Я тебя знаю».

Кто этот парень?

У него были черные волнистые волосы до плеч, разделенные пробором посередине.

И борода.

Я отвел взгляд в сторону, стараясь овладеть собой и собраться с мыслями. «Эй-эй, Трэвис, выбрось из головы этот вздор».

На парне белая хламида, так? Я снова посмотрел: да, именно так. Белая хламида, перепоясанная на талии, с вырезом на груди, с длинными, свободно ниспадающими рукавами. Его ноги скрывались в высокой траве, но непроизвольно и самым естественным образом я представил на них сандалии. Я всю жизнь учился и преподавал в воскресной школе. И видел много рисунков и картин.

Он по-прежнему смотрел на меня; казалось, мой дурацкий вид доставлял ему неподдельное удовольствие.

Наконец я помотал головой и сказал:

— Нет. Не может быть.

Он рассмеялся и кивнул: да.

Я спокойно и неторопливо отошел от окна.

Потом бросился к задней двери и выскочил во двор. Кто бы ни был этот парень на самом деле, я собирался узнать это через тридцать-сорок секунд, которые потребуются мне для того, чтобы достичь вершины холма. Какой-то розыгрыш, не иначе. Кто-то послал его сюда, чтобы встряхнуть чудаковатого бывшего пастора.

Но сейчас легкий ветерок летел вверх по пустому травянистому склону, и тополя неподвижно стояли на фоне неба — как и положено в теплый апрельский день. Он исчез. Исчез, и все дела.